

Линь Мао лежал без сил, мелко подражая. Нефритовая пластина была насильно втиснута в смазанный и растянутый проход. Сам по себе нефрит казался тонким, но его ширина была едва ли узко человеческой ладони, поэтому процесс проникновения выдался невероятно тяжёлым. Цяо Юэ провозился добрую половину дня, но так и не смог затолкнуть её до конца. Взгляд его помрачнел, и, больше не церемонясь, он приложил силу. Раздался тихий звук рвущейся ткани, и нефрит целиком скрылся внутри. Хлынула свежая кровь, и капли даже забрызгали пальцы Цяо Юэ.

Он вытер кровь о шёлковое одеяло, ухватил край, резким движением взмахнул им и опустил, накрывая обнажённого Линь Мао.

— Всё, выходите, — бесстрастно произмолвил Цяо Юэ.

Люди один за другим покинули комнату, и вскоре в просторной спальне остались только Линь Мао и Цяо Юэ.

Цяо Юэ опустил голову, нежно оглаживая покрытое холодным потом лицо юноши, и стёр влагу со лба. Черты его лица смягчились, движения были бережными, а в глазах читались искренние чувства, но постепенно в них проступило нечто болезненное и безумное.

Он развёл искусанные до кровавых ран губы Линь Мао, склонился над ним и легко коснулся их поцелуем.

— Спокойной ночи, сладких снов! — демон улыбнулся, но это не могло изменить его порочную сущность.

Линь Мао широко открыл глаза и свирепо уставился на Цяо Юэ. Если бы взглядом можно было убивать, Цяо Юэ уже превратился бы в прах.

Цяо Юэ ничуть не смутился. Просунув руку под нижний край шёлкового одеяла, он нащупал тонкий шнурок и слегка потянул за него, с удовлетворением наблюдая, как Линь Мао до боли сжал зубы и скривился. Голос его звучал высокомерно:

— И не думай вытаскивать нефрит. Если попытаешься, я засуну тебе камень побольше. Можешь рискнуть и проверить.

Глубокая ночь. Из-за окна доносился редкий гул проносящихся по улице машин, но мгновение спустя тишина вновь воцарялась повсюду.

В комнате царил почти полный мрак, и лишь слегка вздымавшееся одеяло выдавало присутствие человека.

Линь Мао перевернулся на бок, и даже это лёгкое движение заставило глубоко застрявший

внутри предмет сдвинуться с места. Волна дискомфорта из чувствительного места внизу мгновенно докатилась до нервных окончаний в голове.

Он тяжело вздохнул, заставляя себя изо всех сил игнорировать ощущения внизу.

— Какой прогресс?

— Общий — сорок пять процентов, прогресс сюжетной ветки — пятьдесят. Дальше тебе нужно просто день за днём сходить с ума, а потом дожидаться, пока Хань Сяо придёт и спасёт тебя.

— Всё настолько просто?

— Разумеется!

— Что-то мне слабо верится!

— Слушай сюда, жалкий пассив, — заявила система. — Ты можешь сомневаться во мне, но не смей сомневаться в великой авторе Хуанлянь Чжу Байжоу — сюжет её романов написан именно так.

— Ты же упоминала о Законах мира, верно? Уверена, что они не полезут чинить препятствия?

— Нет-нет, я связывалась с ними, сюжет не изменился, всё остаётся по-прежнему.

Линь Мао лежал на боку. Эта оболочка поддавалась управлению куда хуже, чем в предыдущих мирах — что при извлечении, что при внедрении ощущалась заминка.

Сюжет приближался к середине. Ещё немного усилий, и всё закончится. Пальцы Линь Мао судорожно сжались. Ничто на свете не могло помешать ему идти вперёд — абсолютно ничто.

И правда, как и предсказывало Сяо Хуан Шу, в те дни, пока нефрит оставался внутри Линь Мао, действительно не происходило ничего выходящего за рамки сюжета.

Пожалуй, единственное, что заставляло Линь Мао эмоционально колебаться — это то, как каждые несколько дней Цяо Юэ лично брался за красный шнурок и резким движением вытягивал нефрит из его низа вместе с кровью и плотью, позволяя справить естественную нужду. Поскольку Линь Мао ничего не ел и сидел исключительно на питательных капельницах, выделять было практически нечего, зато крови выходило больше всего остального. Специально нанятые люди приходили, чтобы вымыть его тело изнутри и снаружи и смазать целебной мазью. А когда омовение завершалось, извлечённый нефрит вновь водворяли в его тело.

Этот круг повторялся раз семь-восемь, пока стрелки часов неумолимо и медленно отмеряли время.

Линь Мао был заперт в этой комнате двадцать четыре часа в сутки. Никто с ним не разговаривал, у него не было никакой связи с внешним миром. Цяо Юэ изредка навещал его, но в большинстве случаев хранил молчание, а если и открывал рот, то лишь для того, чтобы произнести слова, вызывающие у Линь Мао омерзение.

Со временем Линь Мао впал в депрессию. Он подолгу сидел на постели, невидяще глядя на собственную ладонь, и мог просидеть так полдня.

Иногда заходила Лань Си, чтобы поставить очередную капельницу, но он сидел неподвижно, словно деревянная кукла с красивым лицом, не выказывая ни малейшей реакции. Позволяя другим делать с его телом всё что угодно.

Некоторые богачи обладали извращёнными наклонностями. Лань Си заметила эту сторону Цяо Юэ, но не смела никому обмолвиться — да и не могла. Она стремилась продвинуться как можно дальше в шоу-бизнесе и желала купаться в лучах славы и всеобщего обожания.

И хотя порой в её сердце зарождалась жалость к заточённому в комнате юноше, это сочувствие в конце концов неизменно уступало место алчному желанию и надежде во что бы то ни стало стать кинозвездой. Однажды Лань Си, только что закончив работу над очередным рекламным контрактом, ехала на служебной машине к Цяо Юэ, как вдруг их автомобиль столкнулся с другой мчавшейся на огромной скорости машиной. Водитель разбил голову, и уже через мгновение потерял сознание. Лань Си тоже пострадала — не слишком сильно, ей удалось выбраться из покорёженного автомобиля. Вся в крови, она вцепилась в дверцу и изо всех сил толкнула её. Дверца приоткрылась, но с громким стуком захлопнулась обратно.

Дражащими глазами Лань Си посмотрела в окно и увидела снаружи высокую, мрачную человеческую фигуру. Лицо незнакомца было несравненно красивее и мужественнее лиц кинозвезд с обложек журналов, но сейчас оно исказилось от свирепой кровожадности. Сердце Лань Си подскочило к самому горлу и надолго замерло в панике.

— Где он?

Вокруг проезжали другие машины, но ни одна не остановилась, словно перевёрнутого автомобиля вообще не существовало.

Холодный ветер поднял с земли сухие жёлтые листья, те покружились в воздухе и снова опали на землю.

Месяц — срок немалый, но и не слишком долгий. Однако всё, что выпало на долю Линь Мао, унижения, в которых с ним обращались хуже, чем с животным, вполне могло полностью рассудок некогда нормального человека.

Потерявший рассудок Линь Мао был очень тих. Настолько тих, что, помимо дыхания, в нём почти не шевелились даже веки. Он мог просидеть неподвижно целый день, и лишь когда появлялся Цяо Юэ, на его лице инстинктивно проступал страх и ужас. Этот испуг длился недолго, неизменно сменяясь абсолютным спокойствием, которое можно было назвать лишь мертвенным.

Однажды вечером Цяо Юэ зашёл в спальню Линь Мао, притянул его к себе и заключил в объятия. Пуговица за пуговицей он расстегнул рубашку Линь Мао и стянул её. Ему очень нравилось любоваться телом Линь Мао, особенно его спиной, где красовался оставленный по его приказу след. Пока эта метка существовала, этот человек никогда не смог бы вырваться из его рук.

Татуировка останется с ним на всю жизнь, вплоть до самой смерти.

С губ Цяо Юэ сорвался удовлетворенный вздох. Он прижался губами к лепестку цветка, выбитому на лопатках Линь Мао, и, сомкнув острые зубы, вонзился ими в кожу. Капли крови просочились ему в рот, и он жадно проглотил их все до единой.

Кончиком языка Цяо Юэ слизал ранку, а Линь Мао от боли дважды судорожно вздрогнул.

Бац! Внезапно громкий звук расколол тишину. Источник был совсем близко, казалось, прямо этажом ниже. Цяо Юэ отстранился от спины Линь Мао, уложил его на кровать, накрыл одеялом, бросил — жди меня здесь — и быстрыми шагами вышел из комнаты, направляясь вниз.

Ддойдя до винтовой лестницы, он ясно увидел, что в дом ворвался Хань Сяо.

Тот привёл с собой несколько человек — все они были мастерами боевых искусств. Стоя наверху, Цяо Юэ дерзко усмехнулся:

— Пожаловать ко мне так поздно ночью! Должно быть, не просто старые воспоминания освежить?

— Цяо Юэ, я же говорил: ты зашёл слишком далеко. — Хань Сяо стоял посреди холла, его суровая, сильная фигура излучала уверенность. Хоть он и смотрел на Цяо Юэ снизу вверх, его боевой дух не казался ни на йоту слабее.

— Ха, всё равно это тебе не принадлежало. И что с того, что я взял этим попользоваться?

— Ничего особенного. Просто я не думаю, что ты будешь против, если я заберу обратно то, что ты отнял у меня. — В глазах Хань Сяо таилась глубокая тьма.

Цяо Юэ беспечно пожал плечами:

— Каждый рассчитывает лишь на собственные силы!

— Ждал этих слов. Взять их! — Хань Сяо чуть повернул голову, и стоявшие за его спиной бойцы лавиной хлынули внутрь.

Цяо Юэ стоял неподвижно. Из прохода под лестницей навстречу им тоже выбебла толпа людей.

Обе стороны сошлись в схватке, заглушая друг друга звуками яростных ударов.

Какое-то время исход битвы действительно казался непредсказуемым. Оба главаря находились за пределами поля боя и, казалось, не собирались вмешиваться.

Время шло секунда за секундой, и как только Цяо Юэ решил, что победа уже у него в кармане, Хань Сяо, до этого стоявший в холле, внезапно направился к выходу. Брошенный им вскользь взгляд был полон насмешки. Цяо Юэ на мгновение замер, а затем бросился обратно в комнату, где был заперт Линь Мао.

Когда он включил свет, беспорядок на кровати был прежним, но комната оказалась совершенно пустой.

— Хань Сяо! — скрипя зубами от гнева, прорычал Цяо Юэ, и в его глазах запылал огонь ярости.

Хань Сяо крепко прижимал Линь Мао к груди и чувствовал лишь то, что парень состоял из одних костей, мяса на нём почти не осталось, и тело врезалось в него до боли.

Не видевшись месяц, этот человек словно совершенно изменился. Если бы не уверенность в том, что перед ним именно Линь Мао, он бы действительно подумал, что это кто-то другой.

Щёки ввалились, та самая крупца плоти, что появилась у него под его присмотром, снова исчезла, а запястья казались такими тонкими, что казалось, стоило их легонько сжать — и они переломаются.

Словно боясь прикосновений, юноша сжался в его объятиях, и всё его тело мелко дрожало.

— Всё хорошо, не бойся, ты в безопасности, не бойтесь! — Хань Сяо мягко похлопал его по спине, но от этого парень затрясся ещё сильнее, всё глубже вжимаясь в него телом.

Хань Сяо прекратил движения, лишь поддерживая прежнюю позу. Он никогда в жизни по-настоящему никого не любил, и когда впервые встретил Линь Мао, им двигало лишь желание обладать. Он и подумать не мог, что позже действительно полюбит его. У Хань Сяо ушла целая неделя на то, чтобы осознать этот факт и признать: он действительно не может отпустить этого

человека.

Странно, почему же?

Наверное, всё дело в том, как ладно и притягательно его тело, а может, в том, что помимо него в целом мире едва ли найдётся кто-то ещё, кто заставлял бы его так терзаться, кого хотелось бы навек привязать к себе и видеть рядом каждую секунду.

Тусклые глаза Линь Мао медленно повернулись и упали на лицо обнимавшего его мужчины. Он так долго не разговаривал, что голос едва шёл.

— Ты... кто ты такой? — произнёс он. Этот человек вызывал у него совсем не те чувства, что Цяо Юэ; по крайней мере, от его прикосновений не леденела кровь.

Запястье вдруг пронзила тупая боль, и Линь Мао тихо застонал. Хань Сяо тут же разжал пальцы. Лицо его потемнело от гнева, но стоило услышать жалобный стон Линь Мао, как он понял: нельзя вымещать злость на нём.

— Я твой возлюбленный. — Убедившись, что Линь Мао и впрямь ничего о нём не помнит, Хань Сяо чётко, слово за словом, повторил.

— Возлюбленный? Я... нравлюсь тебе? — Рассудок Линь Мао откатился до уровня малого ребёнка, и он наивно захлопал глазами.

Хань Сяо коснулся его острого подбородка, и его голос прозвучал низко и глухо:

— Да, я люблю тебя.

— Спасибо! — на лице Линь Мао расцвела улыбка. Пусть он совсем не знал этого человека, но интуиция подсказывала: плохим тот не был.

— А ты? Я тебе нравлюсь? — Хань Сяо не отрывал взгляд от глаз Линь Мао.

— Я... не знаю. — Линь Мао нахмурился, а затем, словно внезапно додумавшись до чего-то, радостно выпалил: — Если ты... будешь ко мне хорош... тогда я... я буду любить тебя.

— Хорошо, тогда я обязательно буду о тебе заботиться. — Торжественно пообещал Хань Сяо. — Хочешь спать? Если устал, поддреми немного, до дома ещё ехать и ехать.

Линь Мао кивнул:

— Угу.

Он положил голову на плечо Хань Сяо. Крепкие, сильные руки мужчины обнимали его за талию, даря непередаваемое чувство безопасности. Веки Линь Мао опустились, и он погрузился в сон под ровное, лёгкое дыхание.

Машина мчалась сквозь ночную темноту, как вдруг глаза Линь Мао резко распахнулись. В них больше не было прежней детской растерянности и наивности — взгляд был абсолютно ясным.

— Ну как?

— Он абсолютно поверил в твоё безумие, никаких сомнений.

— Глупец, добровольно утонувший в любви.

— Услышь это гадский тиран, он бы точно сделал с тобой вот это и вот то, да так, что ты бы целый месяц с постели не встал.

— Ты что, ему расскажешь?

— Я тебе не сплетник.— Вот и славно.

— Общий прогресс: 58%, ответвление сюжета завершено. Дальше...

— Обсудим, когда вернемся. Я тоже устал, до смерти устал.

— Хорошо, отдохни как следует, ты отлично потрудился. В следующем мире я обязательно подберу тебе что-нибудь не такое изнуряющее.

Автомобиль ехал почти час и остановился у неприметного двухэтажного дома. У крыльца стоял мужчина средних лет в форменной одежде — это был управляющий из прежнего особняка Хань Сяо. Получив утром звонок, он наскоро собрал нехитрый багаж и поспешил сюда.

Управляющий сошел по ступенькам, чтобы встретить прибывших.

Линь Мао крепко заснул еще в машине. Стараясь не разбудить его, Хань Сяо бережно взял юношу на руки и понес к входу. Проходя мимо управляющего, он бросил на него мрачный взгляд и спросил:

— Спальни прибраны?

Управляющий почтительно ответил:

— Всё уже готово.

— Угу, — кивком подтвердил Хань Сяо, его голос звучал низко и тяжело. — Отныне ты будешь заботиться о нем здесь. Я не потерплю, чтобы он снова пострадал хоть малейшим образом.

Управляющий бросил быстрый взгляд на молодого человека на руках Хань Сяо и тут же опустил голову:

— Слушаюсь, молодой господин!

Дойдя до спальни, Хань Сяо с предельной осторожностью уложил Линь Мао в постель. Стоило Линь Мао коснуться мягкого одеяла, как он перевернулся на бок, оказавшись спиной к Хань Сяо. Верхние пуговицы его рубашки были расстегнуты, и при движении воротник на плече слегка сдвинулся, обнажив ровно столько, чтобы Хань Сяо успел разглядеть: некогда безупречно белая и нежная кожа теперь была покрыта пугающим багровым пятном.

Хань Сяо протянул руку, ухватился за воротник рубашки со спины и немного опустил его вниз. Его и без того темные, мрачные глаза мгновенно сузились.

— Не надо... мне больно, не вставляй, не нужно... — Линь Мао, судя по всему, видел кошмар, и с его губ срывались полные боли мольбы.

Хань Сяо склонился к самым его губам, расслышал слова юноши, и его лицо помрачнело так, будто с него вот-вот готова была сорваться вода.

Больше не заботясь о том, разбудит ли он Линь Мао, он опустил пальцы на брюки юноши, расстегнул их и единым движением стянул вниз до самых бедер. Тонкая красная веревка туго облегла уязвимую внутреннюю часть бедра, уходя глубоко внутрь, прямо в припухший задний проход. Хань Сяо попытался подтянуть за верёвку, и тело под его рукой рефлекторно судорожно дёрнулось. Хань Сяо разжал пальцы. Он был наслышан об особых пристрастиях Цяо Юэ, из-за которых тот, судя по всему, уже искалечил немало людей. Увидев Линь Мао целым и невредимым, он даже удивился: судя по устоявшимся привычкам Цяо Юэ, тот не мог оставить человека совсем без травм. Оказалось же, что мало того, что парня свели с ума, так ещё и затолкали ему внутрь какой-то неизвестный предмет.

Этот предмет явно был немаленьким, иначе вокруг заднего прохода не образовалось бы столько разрывов.

Хань Сяо поднялся с постели, ушёл в ванную принять холодный душ, а затем, обернувшись банным полотенцем, вернулся обратно. Отогнув край одеяла, под которым лежал Линь Мао, он лёг рядом во весь рост, закинул руку и прижал исхудавшего юношу к себе.

Специально приглашённый семейный врач прибыл около восьми часов. Хань Сяо как раз завтракал, а Линь Мао тихо сидел рядом. Заботясь о его здоровье, Хань Сяо не давал ему твёрдой пищи, позволив выпить лишь немного жидкой.

После завтрака Хань Сяо на руках отнёс его в спальню. При каждом движении ткань натягивалась, задевая рану внизу, и когда Хань Сяо видел боль на лице Линь Мао, его собственное сердце сжималось от боли.

Врач велел Линь Мао лечь на живот и осмотрел его снизу. Он тяжело вздохнул и покачал головой, полагая, что это дело рук самого работодателя — Хань Сяо. Хотя на душе у доктора роилось множество сомнений, вслух он произнёс лишь то, что счёл возможным сказать.

— Это овальный нефритовый камень. Его придётся извлекать насильственно, после чего как следует обработать раны заживляющей мазью и дать телу восстановиться. Кроме того, в ближайшее время крайне не рекомендуется вступать в интимную близость.

Хань Сяо помрачнел. Рассудок Линь Мао сейчас был помрачён, он лишь чувствовал, что его телу плохо, но выразить это словами не мог — лицо его оставалось наивным и простодушным, а время от времени на губах блуждала бессмысленная улыбка.

— Хорошо, действуйте так, как говорите, — согласился Хань Сяо.

Врач надел стерильные перчатки, смазал область вокруг ануса специальным лубрикантом и, дождавшись, пока окружающие ткани размягчатся, ввёл внутрь два пальца.

Тихо лежавший Линь Мао внезапно забился в судорогах, и пальцы доктора с трудом выскользнули наружу. Хань Сяо поднялся со стула, сделал широкий шаг, подойдя к кровати,

прижал плечо Линь Мао и мягко успокоил его:

— Скоро всё закончится. Нужно вытащить эту вещь, тогда боль прекратится. Будешь послушным, хорошо?

Линь Мао скомкал брови, уголки его глаз слегка покраснели, а из горла вырвался мягкий плаксивый голосок:

— Мне правда очень больно, попроси его побыстрее, я боюсь боли.

— Хорошо, потерпи, это сейчас пройдёт. — Хань Сяо коснулся губами брови Линь Мао, а затем перевёл взгляд — в его глазах блеснул холод, и он кивком велел врачу продолжать.

Доктор снова вонзил пальцы в проход, нащупал красную верёвочку и, ведя по ней, ухватился за край нефрита, после чего начал медленно, но уверенно тянуть на себя.

Тело Линь Мао мгновенно натянулось струной. Он прикусил нижнюю губу, издав жалобный стон, похожий на вопли маленького зверька. Заметив, как из-под его губ сочится струйка крови, Хань Сяо протянул руку, разжал зубы парня и засунул ему в рот собственную ладонь.

Линь Мао вцепился зубами в предложенную руку; тот, кого кусали, лишь слегка сузил зрачки, стойчески терпя боль.

Показался кончик нефрита, хотя большая его часть всё ещё оставалась внутри. На лбу доктора выступил мелкий пот. Переведя дыхание на пару секунд, он единым рывком вытащил нефритовый камень наружу. Из-за отсутствия преграды и свежих разрывов кровь хлынула обильным потоком.

Нефрит положили на стоявший рядом столик, а врач принялся быстро останавливать кровь. Когда с этим было покончено, весь пол усеивали окровавленные ватные тампоны.

Покрытый испариной врач оставил целебную мазь, дал необходимые указания по уходу и покинул дом.

После всех этих тревожений лицо Линь Мао стало ещё бледнее, а простыни испачкались кровью. В доме оставалось ещё две спальни, и Хань Сяо на руках перенёс его в одну из них.

— Скажи... мне больше не будет больно? — Глаза Линь Мао блестели от слёз, он поднял голову и посмотрел на Хань Сяо.

Хань Сяо отбросил со лба его длинноватые пряди, запустив пальцы в гладкие чёрные волосы.

— Больше нет, обещаю.

— Сам сказал, не обманывай, давай мизинцами поклянёмся. — Линь Мао сквозь слёзы улыбнулся, его мысли сейчас были предельно наивными.

— Не обману! — Хань Сяо зацепил своим мизинцем мизинец Линь Мао.

Линь Мао погладил живот, его глаза ярко засияли, а в голосе проскользнули нотки застенчивости и угодливости:

— Я, кажется, немного проголодался, есть что-нибудь поесть?

— Чего тебе хочется? — В глубине души поднялось какое-то горьковато-кислое чувство. Хань Сяо не понимал, хорошо ли, что Линь Мао стал таким, или нет. В своём обычном состоянии тот редко улыбался ему без всякой предвзятости, но можно ли теперь назвать то существо прежним Линь Мао?

— Рыбу! Рыбу в остром бульоне! — повысил голос Линь Мао.

С таким состоянием Линь Мао отправляться куда-то поесть было совершенно нереально, к тому же приходилось постоянно опасаться, что Цяо Юэ объявится на пороге. Поэтому Хань Сяо велел дворецкому отправиться за продуктами.

Сам же он остался сидеть с Линь Мао в гостиной. Тот зажал в руке пульт и переключил канал, по которому шел мультфильм.

— Мишка Брат... Мишка Брат... Лысый Пань...

<http://bllate.org/book/22143/2307061>